

ИСТОРИЯ МЕДИАЦИИ

Алексей Иванов¹

ПРИМИРЕНИЕ НА КАВКАЗЕ В СРАВНЕНИИ С МЕДИАТИВНЫМ ПОДХОДОМ

Аннотация. Исследование направлено на изучение методов примирения при конфликте в традициях народов Северного Кавказа и Закавказья. В процессе исследования должны быть установлены основные формы поведения, ожидаемые от участников конфликта, и наиболее важные действия, предпринимаемые сторонами для прекращения активной фазы конфликта и дальнейшего достижения примирения.

Ключевые слова: конфликт; Северный Кавказ и Закавказье; модели поведения; медиация; примирение.

Aleksey Ivanov

CONCILIATION IN THE CAUCASUS IN COMPARISON WITH THE MEDIATIVE APPROACH

Abstract. The research is focused on methods and approaches of reconciliation in the North Caucasus and Transcaucasian cultures. In the course of investigations the main patterns of behavior and the major actions of parties to conflict should be detected, described and explained.

Keywords: dispute; North Caucasus; Transcaucasus; patterns of behavior; mediation; reconciliation.

---

1 © А.В. Иванов, 2017.

Введение

На протяжении последних двух столетий Кавказ остается одним из самых неспокойных регионов России. Здесь произошли вооруженные конфликты, один из которых — первая чеченская война — стал самым разрушительным на территории бывшего СССР. Многочисленные этнические, территориальные, религиозные конфликты напрямую связаны с вопросами интеграции республик Кавказа, отличающихся пестрым этноконфессиональным составом, в общее правовое и культурное пространство Российской Федерации. Разрушение хозяйственных связей, война, отсутствие гарантий прав личности и ограниченное количество возможностей для индивидуальной реализации — все это привело к значительным миграциям из региона. В настоящее время практически в каждом городе России существуют различные «диаспоры» (от греч. «рассеяние»), часто живущие по своим собственным правилам, порой радикально отличающимся от местных обычаев, что приводит к новым конфликтам.

Народы горных долин характеризуются высоким уровнем территориальности и агрессивности, и это утверждение относится не только к Кавказу. Швейцарцы, гасконцы или гуркхи играли роль не просто боеспособных армейских частей, но являлись личной гвардией пап и королей. Традиции таких обществ, сформировавшиеся в замкнутых экологических нишах с ресурсами, ограниченными самой природой, уважают силу и презирают слабость, здесь личная смелость и готовность к драке возводится в ранг добродетели, которую родители стараются всеми способами привить своим детям; человек, избегающий ссор, считает трусом и не может рассчитывать на уважение соотечественников. Как следствие, уровень конфликтности в таких обществах высок, и ссоры часто перерастают во вражду и даже в кровную месть; в то же время существуют и традиционные способы прекращения вражды и достижения мира.

Такие традиции востребованы и в настоящее время, когда так называемые «диаспоры», существующие в отрыве от основного этноса, часто оказываются в противостоянии с основным этносом, что, безусловно, оказывает влияние и на уровень внутренней организации, и на уровень агрессивности — как внутри диаспоры, где существуют строгие правила подчинения и взаимопомощи, так и за ее пределами, когда уровень агрессивности регулируется лишь способностью окружающего населения к противодействию. В число правил регулирования агрессии входят и традиционные методы примирения в случае конфликта между «своими». Несмотря на то, что традиционный институт кровной мести значительно утратил свои позиции на современном Кавказе, а мотив кровной мести при совершении убийства рассматривается законодательством РФ как отягчающее вину обстоятельство, практика кровной мести до сих пор имеет некоторое распространение на территории Северного Кавказа. В условиях, когда уровень агрессии в обществе, по мнению ряда авторитетных специалистов-социологов, по-прежнему остается довольно высоким, а массовые миграции наряду с высокими демографическими показателями оказываются ключевыми особенностями жизни российского Кавказа, представляется актуальным поиск эффективных стратегий регулирования конфликтов во всех сферах социальной жизни.

Урегулирование конфликтов на Кавказе: традиции и стратегии

Данная работа посвящена традиционным способам регулирования конфликтов, распространенных среди народов Кавказа. Мы попробуем сравнить эти методы с теми, которые специалисты по медиации используют для поиска консенсуса (или хотя бы компромисса) конфликтующими в той или иной сфере группами или просто участниками спора. Для этого мы рассмотрим правила, существующие на Кавказе, а затем постараемся провести адекватное сравнение.

У многих этнических групп, сохраняющих связь со своими традициями, и не только на Кавказе, есть набор практик, регламентирующих разрешение споров и конфликтов. В большинстве случаев эти практики являются частью обычного права и существует, как минимум, два способа реакции на социальный конфликт: его подавление и регулирование.

Первая стратегия заключается в постоянном «вытеснении» конфликта с помощью насилия и, как показывает практика, является малоэффективной: «в той мере, в какой социальные конфликты пытаются подавить, возрастает их потенциальная злокачественность, вместе с этим стремятся к еще более насильственному подавлению, пока, наконец, ни одна сила на свете не будет более в состоянии подавить энергию конфликта» [Дарендорф 1994: 145]. Подавление агрессивности часто просто приводит к ее накоплению, и подобный кумулятивный эффект череват неожиданностями, которые стоит учитывать. Таким образом, наилучшим решением выглядит второй способ.

Этот способ, или регулирование социальных конфликтов, является, вероятно, лучшим средством для уменьшения уровня насилия для всех видов конфликтов. Конфликты не исчезают и не обязательно становятся менее интенсивными, но в такой мере, в «которой их удается регулировать, они становятся контролируемы» [Дарендорф 1994: 146]. Именно такие способы будут интересовать нас в большей степени, и наиболее эффективными способами регулирования является традиционные, т.е. альтернативные (несудебные) способы, существующие в обычном праве народов Кавказа.

Материалы для исследования

В качестве источников обычного права необходимо рассматривать не только адаты, но также шариат и другие правовые уклады, оказывавшие влияние на правосознание северокавказских народов; зачастую на практике трудно жестко разграничить эти правовые уклады. Следует также подчеркнуть, что процедуры регулирования конфликтов, прописываемые обычным правом народов Кавказа, направлены на прекращение или предупреждение кровной мести прежде всего, поэтому эти формы должны быть рассмотрены неразрывно с самим институтом кровной мести.

Разумеется, в масштабах одной статьи невозможно рассмотреть все, относящееся к вопросу. Традиционные методы примирения, разумеется, не являются медиацией в том виде, как ее понимают специалисты, но некоторые из методов, выработавшихся за тысячелетия (Кавказ был заселен очень давно) практики, могут, наверное, быть использованы и сегодня.

За время проведения исследования был собран значительный материал, более обширный, чем предполагает формат журнальной статьи. В данной статье мы планируем ввести читателя в суть вопроса: в объект исследования, его методы, термины и прочее, что должно помочь ему даже в случае отсутствия специальной подготовки; впрочем, рассчитываем мы, конечно, скорее на подготовленного читателя, интересующегося процессом медиации.

К сожалению, провести полевое исследование на Кавказе, составленном из множества культур и республик, не представилось возможным. Было решено сосредоточить внимание на этнических общностях кавказцев, проживающие в российских мегаполисах (Москва и Санкт-Петербург). Интерес был не столько в изучении отдельных этнических групп и их традиций (они уже изучены в достаточной степени), сколько выявление их универсальных черт и механизмов их функционирования в разных социальных контекстах. Этим продиктован и выбор специфического объекта: мы будем говорить не о каждой этнической группе Северного Кавказа по отдельности, а об условной надэтнической общности «кавказцы». Но прежде, чем начать рассмотрение, необходимо обосновать, насколько вообще правомерно рассматривать «кавказцев» как особую общность в свете заявленной темы.

Этническая идентификация

По мнению норвежского антрополога Ф. Барта, известного авторитета в этой области, для исследователя существенны не столько все культурные различия и схожести «сами по себе», сколько только те из них, которые используются для конструирования этнической границы в каждом конкретном случае для противопоставления «другим». Этнические группы существуют именно благодаря целенаправленному производству и поддержанию этих границ, которые в разных условиях могут меняться. [Барт 2006: 17]. Ф. Барт возражает против подхода к изучению этнических групп как замкнутых сообществ, принципами формирования которых являются изоляция и неприятие «другого». Идентичность рассматривалась им как результат различения «своих» и «чужих», а условием поддержания целостности объявлялось игнорирование «другого» и избегание контактов с иными идентичностями. Для преодоления ограничений такого подхода он ввел термин «граница», призванный акцентировать внимание на взаимодействии и взаимообмене между этническими группами.

Важнейшим элементом концепции этнических групп по Барту является то, что он видит принадлежность к данной группе как признак, приписываемый и определяемый самими носителями культуры. Таким образом, идентичность обладает свойствами организовывать взаимодействие между людьми скорее в сфере динамического и изменчивого, чем статического и исторически устойчивого. Предметом рассмотрения при таком подходе являются процессы, способствующие появлению этнических групп и поддерживающие их сохранность, а акцент переносится с исследования внутреннего устройства и истории отдельных групп на выявление этнических границ и причин их устойчивости.

Под этнической группой понимается социальное образование, рассмотрение которого ситуационно ограничено в пространстве и времени, а экологические (географические, демографические) условия и социальное окружение являются

определяющими. Воспроизводство этнических групп происходит благодаря процессу поддержания границ, отделяющих их от других групп, которые рассматриваются в качестве «других» в силу отсутствия той или иной особенности. Именно такое представление об этничности представляется наиболее адекватным, и одни и те же люди могут обладать множественными идентичностями, мобилизуемыми или не мобилизуемыми в зависимости от возникающих межэтнических «ситуаций», и границы этнической самоидентификации способны изменяться. Поэтому надо говорить не о том, кем люди «объективно» являются, а о том, кем они сами себя осознают в каждой конкретной ситуации.

Все это применимо к «диаспорам» выходцев с Кавказа. Практика показывает, что общность «кавказцы» существует не только на уровне медийных клише («лица кавказской национальности») или на языке ненависти, но и сами представители этих народов Кавказа зачастую воспринимают себя как «кавказцев» и имеют определенные структуры, выступающие от лица соответствующего воображаемого сообщества. Забегая вперед, можно сказать, что многие респонденты в ходе опросов указывали этноним «кавказец» в качестве этнической самоидентификации, при этом делая оговорку, что мобилизуется эта «общекавказская» идентичность не всегда и не везде (более подробно это будет показано ниже). Стоит также сказать, что представление об общности не возникает «на пустом месте», для его появления нужны и объективные причины. Об этом пишет О. Дамения: «Такая идея, на мой взгляд, не оказалась там (на Кавказе) случайно. По всей вероятности, она является выражением каких-то реалий. Ибо не стали бы грузины или абхазы, или адыги, или вайнахи, или дагестанцы считать себя кавказцами только на основе географического фактора. Хотя он, несомненно, играет определенную роль. Единая природная среда обитания, в условиях которой происходило формирование кавказских народов ... эти природные условия предопределяли жизненные ресурсы, технологию жизнеобеспечения и весьма существенным образом влияли на формирование структурной организации социальной системы» [Дамения 2010: 108]. Народы Северного Кавказа имеют ряд социальных и культурных сходств, обычаев, как то: аталычество, куначество, кровная месть [Косвен 1961: 92-104]. Наиболее же существенно здесь то, что традиции народов Северного Кавказа – по крайней мере в том, что касается процедур регулирования конфликтов – имеют ряд сходных черт, сходную структуру и функции. Исходя из этого, представляется правомерным в контексте обсуждения конфликтов говорить о «кавказцах», а вернее о специфически «кавказских» способах регулирования конфликтов и предотвращения насилия.

Социальная структура кавказских обществ

Говоря о Северном Кавказе, необходимо рассмотреть вопрос социальной структуре кавказских обществ. Согласно К. Леви-Строссу, понятие социальной структуры относится не к реальной деятельности, но к моделям, построенным по подобию реальной деятельности, и «социальные отношения являются основным материалом для построения моделей, выявляющих саму социальную структуру» [Леви-Стросс 2008: 320]. Таким образом, анализ социальной структуры является

всего лишь методом, позволяющим увидеть отношения между людьми в том виде, в каком они предписаны культурными установками каждой конкретной группы (этнической или любой иной), но не всегда четко им соответствующими, проще говоря, социальная структура — это то, как должно было бы быть, если бы не сумма возможных обстоятельств, порой мешающих конкретному индивиду поступать именно так, как этого стоило бы ожидать. Это всего лишь идеальная модель.

Описывая структуры обществ на Северном Кавказе, С.М. Броневский выделял три основных типа социально-политической организации, присущих кавказским народам: монархический, аристократический и демократический. «К монархическому, или единоначальному, правлению принадлежат в Грузии Имеретия и Мингрелия, не упоминая о Грузии собственно так называемой, которая составляет российскую губернию. В Ширване: владения Шемахинское и Шахинское; в Дагестане: Тарковское, Каракайдакское и Табасаранское; в Араксени между Курою и Араксом: Карабаг, Еривань, Нахичевань; туда же включить должно в Лезгистане Казыкумыцкое владение, по временным обстоятельствам и личной власти нынешняго Сурхайхана, и турецкую Грузию, или Ахальцихской пашалык, управляемый пашами, от Порты почти независимыми. Но хан аварский, несмотря на титул ханский, исключается из сего разделения и подходит более под демократический федеративный разряд.

Аристократия, или правление многих, принято у аксаевских кумыков и у всех черкесов, за исключением некоторых колен; абхазы, осетинцы, кисты, ингуши, чеченцы. Дженготенцы управляются князьями и старшинами наследственно и частью старшинами по выбору. Следовательно, сюда причислить должно все те колена, где власть находится в руках князей или старшин наследственно, как-то, в Абхазии властвуют княжеские роды: мадовеи, шароша, келеш, беки; у черкесов закубанских: владения Темиргойское, Бесленейское, Мухотевское имеют своих князей, равно как Большая и Малая Кабарда, Аксай, Ендери, Костеки, Брагун и другия, о чем подробнее будет сказано при частных разделениях. Оба сии вида правления в Кавказе, то есть монархическое и аристократическое, еще правильнее можно назвать феодальным, потому что князья и ханы, не исключая царя имеретинскаго, все разделяют власть с своими вассалами, а разность состоит только в степенях власти и относительнаго их могущества; из чего ясно, что в Кавказе есть множество малых тиранов, но нет нигде явнаго самовластия. Между владельцем народом везде находится рыцарской стан, составляемый из поместных князей и дворян, кои упорно стоят за свои преимущества; то стесняют верховную власть в пределах умеренности, то предаются совершенному безначалию.

Демократическому, или народному, правлению подведомственны черкесския колена: натухажи, шапсуги, абазехи; абхазския вольныя общества, башилбайцы, живущие на вершинах Урупа, Туби, Убыхи, и другия в Большой Абхазии; сванеты, или суанеты; большая часть Осетии, сюда же принадлежат три колена, подвластные Грузии, хевсуры, пшавы, туши; большая часть кистов, чеченцы, называемые пчары-мычкиз (горные чеченцы); в Дагестане часть дженготенцев, акушинския общества и республика Кубечинская, Лезгинския федеративныя республики:

Анди, Зудахара, Сумурския общества, Алтипара Токуспара, Мишгент, Ахти, Рутул, Цахур, Тумурги, Тебель; Джарския общества: Белакан, Катехи, Джар, Тала, Мухала, Чиних; называемыя заречныя: Дидо, Унзо, Кабучь, Анцуг. К сему должно присовокупить и все владение Аварское, составленное из малых федеративных обществ под покровительством хана аварскаго, который там имеет собственные свои поместья и, по мере личных свойств, пользуется властью. Таким образом, Сурхай хан казыкумыцкий, котораго мы включили в монархической разряд, приобрел неограниченную доверенность в народе, хотя владение его состоит равномерно из федеративных обществ» [Броневский 2004: 40]. Из данной цитаты, написанной языком XIX в. и в стиле того времени, когда люди не жалели слов, можно заключить, что монархический и аристократический типы правления на Кавказе схожи. Пользуясь более современным языком, можно говорить о существовании на Кавказе эгалитарных и неэгалитарных обществ.

М.О. Косвен вводит термин «патронимия» для описания социальных отношений у народов Кавказа. Под патронимией Косвен понимал «форму общественного устройства, свойственную патриархально-родовому строю, представляющую собой группу семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое, то есть образованное от собственного имени главы разделившейся семьи, наименование» [Косвен 1961: 98]. Косвен указывает, что патронимия была обнаружена повсеместно у разных народов Кавказа: у лезгин, осетин, у кумыков, горских евреев, агулов, адыгов, нагайцев, абазин, лакцев, аварцев, кабардинцев и других народов Дагестана [Косвен 1961: 33]. У ряда кавказских народов, по его мнению, употребительны для обозначения патронимии широко распространенные иноязычные термины, обозначающие в соответствующих языках родственную группу вообще. Весьма широко распространено применение к патронимии иранского термина тохум или тухум, «семья» (у балкарцев, кумыков, аварцев, даргинцев, лезгин), у некоторых народов Кавказа в том же значении употребляется арабское тайфа, или тайпа, что означает «часть» (например, у ногайцев и аварцев), а также различные формы арабского слова жинс, или джине (у кумыков и некоторых групп лезгин), монгольского аул (авул, авал), имеющее основное значение родственной группы (ногайцы, кумыки, даргинцы, аварцы)» [Косвен 1961: 34].

Однако не все исследователи согласны отождествлять чеченские тейпы с понятием патронимии. Л. Ильясов, например, считает, что чеченский тейп — это классическая самоуправляемая территориальная община, состоящая из одного или нескольких сел и делегировавшая часть своих полномочий ассоциациям более высокого уровня. В период становления тейпа как социальной структуры в него входили и кровнородственные организации, самой крупной из которых была вар — род. С течением времени термин вар вышел у чеченцев из употребления, вероятно, в связи с тем, что более широкие социальные функции перешли к тейпу, а более узкие — к мелким кровнородственным организациям некъи. Ильясов

выделяет несколько способов образования подобных организаций: объединение территориальных общин (в том числе военных поселений, ремесленных общин); разрастание кровнородственных организаций с приданием им более широких социальных функций; становление тейпа на основе компактно расселившихся групп чужеземцев.

Таким образом, классический чеченский тейп можно определить как институт, выполняющий социально организующие функции на уровне территориальной общины, и делегирующий часть своих полномочий ассоциациям более высокого порядка. Территориальная община могла состоять из одного или нескольких селений, находящихся в пределах одной территории или ландшафтной зоны.

Тейп имеет целый ряд основополагающих признаков: единство территории, общая экономическая, правовая и идеологическая база (коллективная собственность на средства производства), совместный неоплачиваемый труд; имевший добровольный характер — белхи; равномерное распределение продуктов и территориальная общность. По Б.К. Далгату, «все, кто находится вне тайпа, — чужие, они не являются родственниками для лиц, которые входят в состав тайпа. Между двумя тайпами нет ничего общего, связующего, кроме общности языка, соседских отношений и племенной связи» [Далгат 1934: 26–63].

Правовой основой тейповой организации было традиционное право [Ильясов 2006: 184]. Чеченские тейпы объединялись в тухумы — тейповые союзы. В современной Чечне насчитывается девять тухумов, что отображено и на гербе Чеченской Республики. Тейповая организация также была свойственна ингушам. Но что касается тухума, то, по замечанию Б. Далгата, «слово “тухум” лучше было бы устранить вовсе как перешедшее к чеченцам от кумыков и неизвестное ингушам» [Чабиева 2011: 200]. Дагестанские тухумы не являлись политическими образованиями, они не имели институционализированных органов административного правления. Традиционными политическими единицами в Дагестане являлись не тухумы, а сельские общины (джамааты, от арабского «общество») и их союзы, или «вольные общества».

Представленный взгляд на тейп как на территориальную общину, однако, не является общепринятым, равно как и термин «патронимия» сегодня подвергается серьезной научной критике. Однако дискуссии о происхождении тейпа и тухума в данном исследовании можно вынести за скобки, и несмотря на расхождения в вопросе о генезисе форм социальной организации и на существование множества локальных вариантов, для нас существенны несколько фактов. Прежде всего, тейпы и аналогичные, общинные формы социальной организации распространены на Кавказе повсеместно. Они обладают определенным правовым статусом, является коллективным субъектом обычного права, обладает целым рядом социальных функций. Принадлежность к тейпу до сих пор играет большую роль на Северном Кавказе. Как пишет Т.С. Чабиева, обращаясь к ситуации в современной Ингушетии, «на современном этапе в политической жизни республики имеет место такое явление, как тейповая инициатива, когда тейп, его ведущие представители создают совет, на котором принимаются решения по наиболее назревшим в

обществе вопросам, и после обсуждения руководство республики и представители тейпа приступают к их реализации. 14 октября 2009 года руководство Ингушетии от тейповой инициативы перешло к официальному оформлению совета тейпов. В совет тейпов вошли представители всех родов, проживающих в республике» [Чабиева: 202]. В таких условиях вопрос о кровной мести между тейпами может перерасти в вопрос политический, что, конечно, вряд ли пойдет на пользу миру и стабильности в регионе.

В северокавказских общинах особое, почетное положение занимают старшие по возрасту. В вайнахских обществах совет старейшин тейпа выносил решения, обязательные для выполнения всеми членами общины. Почитание старших также является «общим знаменателем» для всех северокавказских народов. Уважение к старшим всегда рассматривалось здесь не просто как норма этики и этикета, а как важная составная часть обычного права [Бгажноков 2002: 15]. Советы старейшин существуют как при чеченских тейпах и тухумах, при дагестанских «вольных обществах». Для понимания механизма разрешения споров и конфликтов этот феномен представляется чрезвычайно важным. Обратимся к статье Б.Х. Бгажнокова «Старшинство в социальной организации адыгских народов» [там же]. Старший в адыгском обществе – всегда объект особо почтительного отношения. Старший обладает своего рода морально-правовым иммунитетом. Мотивом почитания старших всегда были, прежде всего, знания и опыт, которыми те обладали. На них возлагались функции по поддержанию устоявшегося социального порядка, предотвращения конфликтов. То есть наделение старших большими правами всегда имело и оборотную сторону – наложение многих обязанностей. Возрастные роли в адыгском обществе на протяжении долгого времени играли значительную роль, будучи при этом достаточно сложными для сведения их к банальному противопоставлению старших и младших по возрасту. Противопоставление «старший / младший» приобретало множество оттенков у адыгских народов, например, словенный оттенок: в XIX в. в Черкесии, и это зафиксировано в письменных источниках, князь считался «старшим» по отношению к крестьянам и удостоивался тех же почестей, которые должны были оказываться старшим по возрасту; крестьянин на коне, встретивший на своем пути князя, обязан был развернуться и сопровождать его до тех пор, пока князь его не отпустит. Сельские муллы считались «старшими» по отношению к своей пастве, гость всегда оказывался «старше» хозяева. Внутри семьи из двух двоюродных братьев старшим независимо от возраста считался тот, чей отец старше. Родственники со стороны матери могли считаться «старшими» по отношению к родственникам со стороны отца вне зависимости от возраста [Бгажноков 2002: 19].

Все это говорит о сложности и неоднозначности феномена старшинства. По сути, в случае адыгов мы должны говорить о разделении «физического» и «социального» старшинства. «Старший», призванный поддерживать порядок или, как в интересующих нас случаях, быть посредником в споре, не обязательно может являться старшим по возрасту. В то же время старший по возрасту может не пользоваться чрезмерным авторитетом из-за своих личных качеств: амбициозный, при-

дирчивый, зловредный старший, например, по понятиям адыгов, не заслуживает уважения. Он должен доказать своими суждениями и поступками, что заслуживает уважения.

Что касается истоков феномена старшинства, то геронтократию и сопутствующую ей традицию уважения к старшим, по мнению Бгажнокова, нельзя считать «исходной», изначальной для адыгских народов. Этот культурный комплекс ни в коем случае не является «изначальным» и для народов Дагестана, что доказывает и В.О. Бобровников в своих работах. У адыгов было время, когда старики не пользовались уважением, существовал обычай ритуального умерщвления особенно немощных стариков [Бгажноков 2002: 20]. Существовал он и у других народов по всему земному шару. Это отражено и в ряде легендарных сюжетов у народов Дагестана [Агларов 1988: 177]. В ряде горных районов Нагорного Дагестана только в 50-60-е гг. XX в. при сельсоветах стали создавать советы старейшин, в задачи которых входили помощь народным судам и сельсоветам в поддержании общественного порядка в колхозе или совхозе, урегулирование разногласий в случае столкновений между его членами, по возможности предупреждение случаев кровной мести. Именно это, по мнению В.О. Бобровникова, создало условия для движения за возрождение адатов и шариата в 1990-е гг. В Дагестане стали создаваться новые традиции, и именно в эти десятилетия складываются представления о «традиционализме» дагестанской деревни и об «изначально» присущей горцам Дагестана геронтократии, что на самом деле не подтверждается никакими достоверными фактами [Бобровников 2002: 201].

Правовой плюрализм

Под правовым плюрализмом понимается сосуществование в одном сообществе нескольких нормативно-правовых систем. Полевые исследования 80-90-х гг. доказали существования правового плюрализма как в странах с колониальным прошлым, так и в развитых западных странах, и В.О. Бобровников предлагает рассматривать правовой плюрализм как феномен универсальный. По мысли Бобровникова, он встречается повсеместно, но может быть как явным («сильным»), так и скрытым («слабым»).

Основными источниками обычного права на Северном Кавказе, как уже говорилось, являются адат и шариат. О благотворном влиянии ислама на нравы горцев писал еще М. Ковалевский. Шариат, к примеру, стремился ограничить кровную месть и институт ишкила (захват имущества обидчика с целью принудить его к удовлетворению материальных претензий обиженной стороны). Однако шариату не удалось полностью вытеснить адаты. Более того, ему пришлось адаптироваться к местным традициям. Причин особой «живучести» адатов несколько. Во-первых, адаты были относительно проще, так как для осуществления правосудия по шариату требовались специальные знания, например, знание арабского языка и мусульманского права [Манкиева 2006: 18]. Во-вторых, шариат определял слишком жестокие наказания за уголовные преступления (отсечение рук, побивание камнями, бросание в яму и т.д.), поэтому последние регулировались адатами [Агларов 1988: 155; Манкиева 2006: 18]. К источникам образования адатов можно отнести

соглашения между представителями одной сельской общины (иногда – между двумя или несколькими сельскими общинами) об установлении единообразной ответственности их жителей за нарушение интересов джамаата (общины) в целом или отдельных лиц. На протяжении многих лет эти правовые уклады (адат и шариат) сосуществовали, а отношение к ним со стороны официальной власти менялось; тем не менее и адат, и шариат оставались частями российской правовой действительности.

Как взаимодействовали эти уклады, мы рассмотрим на примере Нагорного Дагестана, однако все, что происходило в рассматриваемый период в Нагорном Дагестане, справедливо также и для других северокавказских территорий. В истории правовых систем Нагорного Дагестана в XX в. можно выделить несколько переломных этапов: революция и Гражданская война, период укрепления советской власти, 1950-60-е гг. Начало XX в. принесло на Кавказ изменения, в том числе и изменения правовой культуры. Местное обычное право, которое было узаконено в Дагестане до революции в рамках системы «косвенного» колониального управления, казалось большевикам орудием двойной — классовой и колониальной — эксплуатации, поэтому «подлинным народным обычным правом» северокавказских горцев был признан шариат. Большевики сделали ставку на шариат в противовес адату, чтобы привлечь на свою сторону духовенство, и эта тактика во многом себя оправдала, большевикам даже удалось привлечь на свою сторону некоторых накшбандийских шейхов. Придя к власти, большевики даже начали создавать шариатские суды, однако уже к 1919 г. значение слова «шариат» оказалось на практике выхолощено, шариатские суды де-факто использовались воюющими сторонами в Гражданской войне для политических расправ друг над другом. Положение шариатских судов в разных районах Северного Кавказа также было не равным: где-то они имели больше полномочий, где-то меньше.

В.О. Бобровников также говорит о преемственности между дореволюционными словесными и народными судами, с одной стороны, и советскими шариатскими судами — с другой. Например, состав сельского шариатского ссуда почти не отличался от словесного, а шариатские суды во многом продолжали руководствоваться нормами адата [Бобровников 2001: 80]. Сельские органы разбирали по шариату только бракоразводные дела, иски по которым не превышали 100 руб. (в ценах 1922 г.), и иски о наследовании и опекунов, не превышавшие 300 руб. Согласно адату, они рассматривали мелкие уголовные преступления против личности и собственности (обман, утайку денег, воровство), а также другие мелкие преступления. Одновременно с тем были запрещены нормы адата, прямо противоречащие советскому законодательству — например, кровная месть или захват имущества должника. В апреле 1920 г. в Дагестане было ограничено и применение уголовных норм шариата, влекущих за собой смерть или членовредительство (побивание камнями, отсекание рук ворам). Также существовали (с июля 1920 г. — официально) альтернативные, «народные» суды, разбирающие иски немусульман или мусульман, не желающих по тем или иным причинам обращаться в шариатские суды. С 1923 г. в них передавались также дела по убийствам и кровной мести. Так-

же после 1925 г. началось создание «словесных» судов вдобавок к «народным». Они, как можно понять уже из названия, обходились без письменного делопроизводства. В этом В.О. Бобровников видит влияние обычно-правового процесса [Бобровников 2001: 83].

Советская власть, окрепнув, стала видеть в шариате угрозу и ограничивать его применение. Постепенно количество исков в шариатские суды стало падать, а в народные суды — расти. В первой половине 20-х гг. XX в. шариатские суды были сняты с государственного обеспечения, а к концу 1920-х гг. — ликвидированы на всей территории Северного Кавказа. Далее были отменены и словесные суды. Была проведена «коренизация» советских судов, чтобы увеличить доверие населения. Был взят курс на уничтожение правового плюрализма. Однако полностью искоренить элементы адата и шариата в правовой практике не удалось даже в сталинское время, и уже в 50-60-е гг. отношение советской власти к адатам снова изменилось, в СМИ началось различие «вредных» и «полезных» адатов. «Полезные» адаты (подразумевающие уважение к старшим и способы мирного урегулирования конфликтов между односельчанами) решено было поощрять, «поставив на службу социалистическому строительству».

Терминология

Теперь несколько слов о терминах, которые будут нами использоваться.

Конфликт. Под конфликтом в нашей работе мы понимаем такое отношение между субъектами социального взаимодействия, которое характеризуется их противоборством на основе противоположно направленных мотивов (потребностей, интересов, целей, идеалов, убеждений) и/или суждений [Емельянов 2009: 23]. Конфликт — это ситуация столкновения интересов, манифестирующую себя в социальном взаимодействии. Последняя часть определения представляется принципиально важной: необходимо различать конфликт и враждебное, или антагонистическое, отношение: социальный конфликт — это всегда социальное взаимодействие, тогда как отношение или чувство представляют собой только predisposition к действию, необязательно выливающуюся в конфликт [Козер 2000: 59]. Структура всякого конфликта включает в себя следующие элементы: стороны конфликта — субъекты социального взаимодействия, находящиеся в состоянии конфликта или же явно или неявно поддерживающие конфликтующих; предмет конфликта — то, из-за чего возникает конфликт; образ конфликтной ситуации — отображение предмета конфликта в сознании субъектов конфликтного взаимодействия; мотивы — внутренние побудительные силы, подталкивающие субъектов социального взаимодействия к конфликту (мотивы выступают в форме потребностей, интересов, целей, идеалов, убеждений), позиции конфликтующих сторон — то, о чем они заявляют друг другу в ходе конфликта или в переговорном процессе [Емельянов 2009: 25].

Медиация. 1 января 2011 г. вступило в силу законодательство, определяющее медиацию как один из альтернативных способов разрешения споров. В законе определено, что «процедура медиации — способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения».

Процедура медиации применяется к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений. Процедура медиации не применяется к коллективным трудовым спорам, а также к иным спорам, в случае, если такие споры затрагивают или могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы [Шамликашвили 2013].

Агрессия. Этот термин трудно определить в нескольких словах, но тем не менее он нам важен. К. Лоренц полагал, что агрессия является инстинктом, направленным на сохранение вида [Лоренц 1994: 28], той энергией, которая заставляет животное двигаться (up-and-doing), если оно здорово. Агрессивность лежит в основе конфликта, и несмотря на то, что механизмы, запускают агрессивное поведение, могут быть сколько угодно разнообразны, но именно агрессия или агрессивность, присущая разным видам животных и различным человеческим культурам, часто препятствует завершению конфликта. Мы, разумеется, порицаем агрессию, но таковы ценности только небольшой, «цивилизованной» части населения планеты. В другой статье [Иванов 2014] мы подробно рассмотрели механизмы агрессии, и попытались продемонстрировать, что агрессия присуща практически всему живому, а в случаях человеческих сообществ определяется культурными установками. Благодаря нормам христианства и европейской философии, в целом гуманистической, мы обычно стыдимся выставлять себя излишне доминантными и редко рассматриваем агрессивность и силу как способ добиться чего-то желаемого, но такое положение существует не везде.

В традиционных обществах брутальность, мужественность и бесстрашие нередко являются теми ценностями, которые выстраиваются системой инициаций, возрастных классов, общих домов, тайных обществ, способами, существующими независимо друг от друга в самых различных обществах в самых различных частях света. Было установлено три способа регулирования агрессивности, и все три используются не только людьми, но и животными и даже птицами: переадресация агрессии у одиночных видов, и ритуализация и иерархия — у коллективных. Люди, очевидно, используют все три, но предлагают и четвертый, возможно стоит назвать его одним из элементов культуры. В указанной статье мы рассмотрели общества с самым низким уровнем агрессии, охотников и собирателей, кое-где еще сохранившиеся, далее мы намерены рассмотреть общества с самым, вероятно, высоким ее уровнем, те самые народы горных долин, к которым относятся и этнические общности Кавказа.

Заключение

Таким образом, рассмотрев объект и цель работы, можно сказать, что задачей работы является выявление традиционных форм регулирования конфликтов и их места в повседневной жизни «кавказцев» в прошлом и настоящем, как на самом Северном Кавказе, так и за его пределами среди выходцев из данного региона. Для достижения указанной цели необходимо решить определенное количество исследовательских задач.

Во-первых, выявить основные причины возникновения и сохранения конфликтов на Кавказе (исследователи конфликтов справедливо утверждают, что причины возникновения и причины сохранения конфликта могут быть различными), определить место этнических, демографических, экономических и иных факторов в формировании конфликтогенной среды.

Во-вторых, показать, к каким механизмам и стратегиям обращаются люди в процессе регулирования конфликтов, какова роль посредничества в этих стратегиях, какие правовые уклады (адат, шариат) используются, выявить общие и отличительные черты в способах регулирования конфликтов у различных этнических групп Кавказа.

В-третьих, необходимо выяснить, как они функционируют в диаспоре, как фактор зависимости от «своей» традиционной культуры влияет на отношение людей к конфликтам и способам их регулирования, прописываемым обычным правом. И последняя, и наиболее важная часть работы состоит в сопоставлении первых трех задач с методами, принятыми в процессе медиации.

Степень изученности традиционных форм варьируется от сообщества к сообществу: например, адаты народов Кавказа и те процедуры урегулирования споров, которые они прописывают, изучены в нашей стране значительно лучше, чем обычное право других этнических групп, например, тех же выходцев из среднеазиатских государств. Это, с одной стороны, затрудняет поиск теоретических источников, с другой — дает исследователю определенный простор для полевой работы и формулирования гипотез. Новизна нашего исследования состоит в том, что нам в принципе не удалось найти опубликованных работ, сравнивающих традиционные методы примирения с методами, принятыми в медиации; впрочем, и количество работ, посвященных процедуре медиации, явно недостаточно.

Мы планируем по возможности заполнить эту лауну и предоставить как специалистам, так и просто интересующимся, некоторую информацию по данному вопросу. Для этого мы осуществили анализ опубликованных письменных источников (дневники и записи путешественников, работы ученых-юристов, этнологов, кавказоведов, изучавших обычное право (адаты) кавказских народов), а также собрали полевой материал с помощью интервью, анкетирования (очно и через Интернет), и используя невключенное наблюдение. Весь этот материал и его анализ будет приведен в следующем номере.

Литература

Агларов 1988 — *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988.

Барт 2006 — *Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий. М.: Новое изд-во, 2006.

Бгажноков 2002 — *Бгажноков Б.Х.* Старшинство в социальной организации адыгских народов // *Этнографическое обозрение.* 2002. № 4. — С. 14-24.

Бобровников 2002 — *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Вост. литература, 2002.

Далгат 1934 — *Далгат Б.* Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом // ИИНИИ. Владикавказ, Вып. II. 1934. — С. 26–63.

Дарендорф 1994 — *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. — С. 142–147.

Емельянов 2009 — *Емельянов С.М.* Практикум по конфликтологии. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2009.

Иванов 2014 — *Иванов А.В.* Торможение агрессии в природе и в примитивных обществах // Новые гуманитарные исследования, 2014. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://www.nrgumis.ru/articles/240/>.

Ильясов 2006 — *Ильясов Л.* Чеченская республика и чеченцы: История и современность: Матер. Всерос. науч. конф. Москва, 19-20 апреля 2005. М.: Наука, 2006. — С. 176-185.

Козер 2000 — *Козер Л.* Функции социального конфликта / пер. с англ. О. А. Назаровой. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. — 208 с.

Косвен 1961 — *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961.

Леви-Стросс 2008 — *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Академический проект, 2008.

Лоренц 1994 — *Лоренц К.* Агрессия, М.: Прогресс. 1994.

Манкиева 2006 — *Манкиева Х.М.* Генезис правовой культуры народов Северного Кавказа : автореферат диссертации /Х.М. Манкиева. Ростов н/Д : [б. и.], 2006.

Чабиева 2011 — *Чабиева Т.С.* Некоторые особенности соотношения понятий «тейп» и «вирд» в ингушском обществе // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 5–6. — С. 200–205.

Шамликашвили 2013 — *Шамликашвили Ц.А.* Основы медиации как процедуры урегулирования споров. М.: МЦУПК, 2013.

References

Aglarov 1988 — *Aglarov M.A.* Sel'skaja obshhina v Nagornom Dagestane v XVII — nachale XIX v. (Issledovanie vzaimootnoshenija form hozjajstva, social'nyh struktur i jetnosa). М.: Nauka, 1988.

Bart 2006 — *Bart F.* Jetnicheskie grupy i social'nye granicy: Social'naja organizacija kul'turnyh razlichij. М.: Novoe izd-vo, 2006.

Bgazhnokov 2002 — *Bgazhnokov B.H.* Starshinstvo v social'noj organizacii adygskih narodov // Jetnograficheskoe obozrenie. 2002. № 4. — S. 14-24.

Bobrovnikov 2002 — *Bobrovnikov V.O.* Musul'mane Severnogo Kavkaza: obyčaj, pravo, nasilie. Ocherki po istorii i jetnografii prava Nagornogo Dagestana. М.: Vost. literatura, 2002.

Dalgat 1934 — *Dalgat B.* Rodovoj byt chechencev i ingushej v proshlom // IINII. Vladikavkaz, Vyp. II. 1934. — S. 26–63.

Darendorf 1994 — *Darendorf R.* Jelementy teorii social'nogo konflikta // Sociologicheskie issledovanija. 1994. № 5. — S. 142–147.

Emel'janov 2009 — *Emel'janov S.M.* Praktikum po konfliktologii. 3-e izd., pererab. i dop. SPb.: Piter, 2009.

Ivanov 2014 — *Ivanov A.V.* Tormozhenie agressii v prirode i v primitivnyh obshhestvah // Novye gumanitarnye issledovanija, 2014. [Elektronnyj resurs.] — Rezhim dostupa: <http://www.nrgumis.ru/articles/240/>.

Il'jasov 2006 — *Il'jasov L.* Chechenskaja respublika i chechency: Istorija i sovremennost': Mater. Vseros. nauch. konf. Moskva, 19-20 aprelja 2005. M.: Nauka, 2006. — S. 176-185.

Kozer 2000 — *Kozer L.* Funkcii social'nogo konflikta / per. s anrl. O. A. Nazarovoj. M.: Ideja-Press, Dom intellektual'noj knigi, 2000. — 208 s.

Kosven 1961 — *Kosven M.O.* Jetnografija i istorija Kavkaza. Issledovanija i materialy. M., 1961.

Levi-Stross 2008 — *Levi-Stross K.* Strukturnaja antropologija. M.: Akademicheskij proekt, 2008.

Lorenc 1994 — *Lorenc K.* Agressija, M.: Progress. 1994.

Mankieva 2006 — *Mankieva H.M.* Genezis pravovoj kul'tury narodov Severnogo Kavkaza : avtoreferat dissertacii /H.M. Mankieva. Rostov n/D : [b. i.], 2006.

Chabieva 2011 — *Chabieva T.S.* Nekotorye osobennosti sootnoshenija ponjatij «tejp» i «vird» v ingushskom obshhestve // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. 2011. T. 17. № 5–6. — S. 200–205.

Shamlikashvili 2013 — *Shamlikashvili Tc.A.* Osnovy mediacii kak procedury uregulirovanija sporov. M.: MCUPK, 2013.